

«Не писать о современности – хуже, чем ошибка, это преступление»

Шамиль Идиатуллин о литературе «здесь и сейчас», популярности исторических романов и любви к уральским авторам

Ксения КУЗНЕЦОВА

После «Города Брежнева», романа-взросления на стадии развала Советского Союза, удостоенного премии «Большая книга – 2017», от писателя и журналиста Шамиля Идиатуллина с нетерпением ждали нового произведения. И автор удивил – он стал одним из немногих, кто не побоялся написать про «здесь и сейчас».

В самом деле, трудно представить что-то более актуальное, чем «Бышая Ленина»: 2019 год, серый районный центр Чупов, коррумпированная власть и огромная свалка. Социальная катастрофа, ставшая двигателем семейной драмы, вызвала у критиков и читателей большую дискуссию, в которой главным стал вопрос: «готовы ли мы к тексту о наших днях?».

«Проклятая журналистская выучка»

– Шамиль, почему смысловым центром «Бышей Ленина» стали именно мусорные протесты?
– Свалка была только фоном. Мне нужно было показать людей в современных обстоятельствах, и желательнее остроту их до упора. Роль свалки не могла сыграть ситуация, связанная, например, с сокращением рабочих мест – это не совсем современно, пик такой проблемы был лет десять назад. У каждого года имеются характерные горячие точки, и для пары последних лет такими точками стали как раз мусорные протесты.

– Зная о разных процессах, которые происходят вокруг творческих людей, не страшно было писать про современность?
– Мне страшно оказалось неинтересным легковесным халтурщиком, поэтому каждой книге у меня предшествует долгая работа с источниками. Проклинаю себя, но по-другому сделать не могу. Для «Бышей Ленина» я не только тонул в новостях, но и читал административные протоколы, развёрнутые отчеты об уличной активности, лонгриды, в том числе иностранные, «Гринпис» о переработке мусора, полицейские протоколы, инструкции по работе мусоросжигательных заводов, социопсихологические исследования о возрастных изменениях, о кризисах среднего возраста, о гендерных особенностях онкологических заболеваний, и так далее. Проклятая журналистская выучка, но без этого нельзя подойти к тексту. Да, меня могут обвинять в том, что я чего-то недокурил, но я сделал всё, чтобы с этим справиться.

– К слову об обвинениях. По сути, «Бышая Ленина» – прямой ответ на многочисленные молбы критиков о русском романе «здесь и сейчас». Чего же не хватало Галине Юзефович, которая выпустила рецензию с заголовком «Неудачный роман талантливого писателя»? И надо сказать, её мнение нашло отклик у многих.
– Галина очень авторитетный человек, и её слово быстро находит сторонников, потому что хорошо сформулировано и его хочется повторить. Мне лестно, что от меня ждали чего-то большего, но я этого не знал

– К слову об обвинениях. По сути, «Бышая Ленина» – прямой ответ на многочисленные молбы критиков о русском романе «здесь и сейчас». Чего же не хватало Галине Юзефович, которая выпустила рецензию с заголовком «Неудачный роман талантливого писателя»? И надо сказать, её мнение нашло отклик у многих.
– Галина очень авторитетный человек, и её слово быстро находит сторонников, потому что хорошо сформулировано и его хочется повторить. Мне лестно, что от меня ждали чего-то большего, но я этого не знал

– Галина очень авторитетный человек, и её слово быстро находит сторонников, потому что хорошо сформулировано и его хочется повторить. Мне лестно, что от меня ждали чего-то большего, но я этого не знал

Наша беседа с Шамилем Идиатуллиным состоялась в Крыму в рамках литературной резиденции «ТавридаЛит», где он курировал писательские курсы

(улыбается). Написал как смог, последние лет тридцать к халтурным текстам, к счастью, особого отношения не имею. К тому же у меня есть проверенная группа людей, которые читают рукописи раньше остальных, и некоторым бета-ридерам кое-что даже нравится. Эти два момента здорово успокаивают: Говоря о Гале, надо иметь в виду, что ей в своё время совсем не понравился и «Убыр», да и к «Городу Брежнев» у неё были вполне серьёзные претензии. Но потом в силу моего нечеловеческого обаяния, которое не осталось для неё незамеченным (смеётся), она поняла, что человек я не вредный, и, может быть, стала это эксплуатировать на мои тексты задним числом. Да, её замечания по поводу «Бышей Ленина» вполне законны, я с ними не спорю и полностью принимаю, исходя, как обычно, из того бесспорного факта, что читателю всегда виднее, особенно такому квалифицированному, как Галина. Но есть один пункт, с которым я категорически не согласен. Видимо, пытаюсь меня «помертвить» реабилитировать, она завершила рецензию тезисом о том, что, быть может, это не Идиатуллин недокурил, а просто не время ещё о современности писать, нужно выждать. Нет, литература должна быть современной.

«Я лютый фанат Крапивина»

– Издатель Елена Шубина запустила серию «Актуальный роман», которая на данный момент включает две книги: собственно, «Бышая Ленина» и роман Дмитрия Захарова «Средняя Эд-

ма». Для вас понятия «современный» и «актуальный» синонимы?
– На мой взгляд, это разные вещи. Перечисленные книги, действительно, скорее актуальны, так как работают с текущей жизнью. А современный роман – это текст, который, во-первых, достаточно современно написан, а во-вторых, публикация которого невозможно представить в иное время. Вообще-то практически все романы редакции Елены Шубиной современно написаны. «Лавр» Евгения Водолазкина разве несомременно? Такую и так написанную историю святого невозможно было представить ни в XIX веке, ни тем более в XX. «Петровы в гриппе и вокруг него» Алексея Сальникова – тоже очень современно, написать такое в 90-е годы... Подобное мог бы сделать Сорокин или Пеле-

ДОСЬЕ «ОГ»

Шамиль ИДИАТУЛЛИН родился в 1971 году в Ульяновске. Окончил факультет журналистики Казанского университета. В 2001 году стал главным редактором «Коммерсанта» в Казани. С 2003 года работает в московском офисе «Коммерсанта». В 2004 году дебютировал с книгой «Татарский удар» (ориг. название – «Russia»), лауреат Международной детской литературной премии им. В.П. Крапивина за книгу «Убыр» в 2012 году. Лауреат премии «Большая книга-2017» за роман «Город Брежнев».

вин, но это было бы совершенно по-другому и в каноне сатирической прозы 90-х. Алексей же сделал так, что при прочтении идёт такой ясный и бодрящий так нарратив, в котором много всего происходит, куча деталей, красивых образов, видно, что поэт писал. И всё время вторым и третьим слоем следует древнерусская хтонь и отчаянная глубинная уральская тоска, а потом раз – и всё раскрывается совершенно новыми смыслами. Современный и слабо предстанный лет 20–30 назад подход, это прекрасно. У перечисленных авторов нет ни словеска, ни предложения, ни абзаца, который мог бы написать другой человек, даже из другой эпохи. Это же авторский стиль это тоже про современность.

– Вам импонирует творчество Алексея Сальникова, а кого бы ещё выделили из уральских авторов?
– Я не только лауреат премии имени Крапивина, но и вполне официальный лютый фанат (примерно с сорокалетним стажем) творчества Владислава Петровича Крапивина, дай Бог ему здоровья и долготелетия. Ещё мне очень нравится «Свету Лаурову», она очень много пишет и даёт основания для подозрений, ведь нельзя писать так много и так классно. Книжки, которые доходят до ме-

ня в рамках конкурса на лучшую книгу для подростков «Книгурру», – там который год выступаю экспертом, – привожу в полный восторг. Она пишет, как дышит, а дышит очень легко, свободно и красиво. Ну и Алексей Иванов, конечно, любим мною с 1990 года, когда вышла его первая повесть в «Уральском следопыте». Мне безумно понравился «Сердце Пармы» и «Географ глобус пропил». Я, к сожалению, сломался и перестал следить за автором после «Ебург», который, на мой взгляд, был сделан слишком халтурно и «под заказчик». Но надеюсь как-нибудь наверстать упущенное.

– Тексты Алексея Сальникова или Марины Степановой, лауреата «Большой книги – 2018», дали надежду на разговор о новых смыслах в литературе, о другом времени, например, о неотрефлексированных 90-х.
– Мы потихоньку поворачиваем свёрнутую к прошлому голову и начинаем заглядывать по сторонам, под ноги, иногда даже вперёд. Но тренд, оформившийся с начала нулевых: «Литература – это про историю», – не иссяк. Объясняется это просто: и рублём, и в рамках премий за книги голосуют большей частью взрослые состоявшиеся люди, которые привыкли к определённому

канону, их представлениям о высоком статусе максимального отвечает именно исторический роман. Потому что он основательный, большой, работающий с давно отрефлексированными и разложенными по узнаваемым полочкам темами, людьми и страстями, и там сразу понятно, что хорошо, а что плохо – в том числе и в части самого текста. Та же «Памяти памяти» при всей её нестандартности – историческая хроника, как и остальные прошлые победители «Большой книги», романы *Былова* и *Архангельского*. В рамках премии даже Пелевин был награждён именно что за квазиисторический роман «В», что смешно. Знать, от нашего поколения ждать чего-то нового не нужно. Я молодю выгляжу, но мне 47 лет, у Чехова уже пережил, не говоря про Пушкина и Лермонтова. Темп жизни изменился, да. Но если тридцатилетние не будут говорить своих слов, мы обречены.

– А чего вам хочется от литературы?
– Удачная постановка вопроса, потому что мой взгляд на литературу больше складывается из хотелок. Мне очень много не хватает в современной литературе: качественного неон-фикшена, социальных романов, хороших детективов, научной фантастики. Базы для последней я вообще не вижу, потому что нет читательского спроса. Хотелось бы больше актуальных текстов, и дальше они будут появляться. По крайней мере, я этого хочу, и сам буду рубить именно в этом направлении. Нужны помощники, ведь одному мне всё не написать (смеётся).

Кирилл Серебренников и Владислав Опельянец (справа) в первые съёмочные дни фильма

«Петровых в гриппе» начали снимать в Москве

Пётр КАБАНОВ

Режиссёр Кирилл Серебренников в Москве приступил к съёмкам фильма по роману уральского прозаика и поэта Алексея Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него».

Производством новой картины, которая получила название «Петровы в гриппе» (рабочее или постоянное – пока непонятно), занимается кинокомпания Нуре Film при поддержке фонда развития современного кинематографа «Кинопрайм» и Arte Cinema France. Фильм является международной копродукцией России, Франции (Logical Pictures, Charades Production), Германии (Razor Film) и Швейцарии (Bord Cadre Films).

Также стало известно, что сценарий фильма написал сам Серебренников. Оператором фильма стал Владислав Опельянец (уже снимавший полнометражные картины Серебренникова – «Ученики» и «Лето»).

«Кто кого играет – узнаете позже», – написал в соцсетях режиссёр. Но позднее появилась информация, что на главные роли приглашены театральные режиссёр и актёр Семён Серзин и Чулпан Хаматова. Возможно, что именно они исполнят роли супругов Петровых. Также в фильме появится и уральский драматург Николай Коляда – он сыграет в начале катафалка, который в начале романа подвозит Петрова и его друга.

Кстати, Семён Серзин рабо-

тал в Екатеринбурге – он ставил спектакль Центра современной драматургии «Башлачев. Свердловск – Ленинград и назад».

В пресс-службе кинокомпании Нуре Film «Облгазете» пояснили, что планируемую дату выхода фильма – 2020 год, а также привели комментарий Кирилла Серебренникова: «Очень редко появляются книги, которые немедленно хочется поставить в театре или снять по ним кино. Роман Сальникова – именно тот случай. Этот текст провоцирует фантазию. Роман парадоксальный. В нём много интересных перевертышей, временных пластов, точных человеческих типажей и мифологем, в нём очень много юмора. Всё это я попытался сохранить и в сценарии. Нам удалось собрать блистательный и неожиданный актёрский ансамбль. Подробности мы расскажем чуть позже», – добавил режиссёр.

Напомним, что роман Алексея Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» был впервые опубликован в саратовском литературном журнале «Волга» в 2016 году. В нём, если можно так сказать, рассказывается история семьи Петровых – мужа, жены и их сына. Роман стал настоящей литературной сенсацией последних лет и получил несколько литературных премий, в числе которых «Национальный бестселлер» и приз жюри премии «Нос».

УРАЛ ЧИТАЕМ С ПРИСТРАСТИЕМ

Житие маргинала. Хэппи энд не предусмотрен

Ирина КЛЕПИКОВА

Раз в месяц «ОГ» представляет очередной номер единственного в регионе толстого литературного журнала. В Год театра читаем журнал с уральцами, так или иначе связанными с театром. Октябрьский номер читаем с заведующей литературной частью Свердловской музыкальной Еленой ОБЫДЕННОВОЙ.

– Страшная в своей обидности история разворачивается в повести «Маленькое недопонимание». Бомжеватый Филка занимается к бизнесмену пристривать за порядком в его доме. В результате вешается в сарае, оттолкнувшись ногами от стопки книг. Любопытно: даже не зная финала, не можешь оторваться от описания зурядной вроды бы жизни...
– Да, сюжет у Егора Кулика – один из распространённых в отечественной литературе: история маленького человека. Маргинал Филка и вполне себе положительный Олег как будто меняются ролями – бомж-алкоголик стремительно завоёвывает симпатии читающего, в то время как добросердечный бизнесмен неумолимо «треплет очки». И если в начале повествования это всего лишь «маленькое недопонимание», то в финале – тотальное и неразрешимое противоречие. Такой вот перевертыш! И – да, я тоже, несмотря на некоторые раздражающие детали текста, прочла одним духом, не могла оторваться.

Что же произошло? Простое действие, которое совершает Олег, взяв Филку на работу и в свой дом, спровоцировало филкино осознание себя самого и обстоятельств вокруг. Не случись этого, Филка, скорее всего, ушёл бы из жизни раньше и совершенно естественным для его образа жизни способом – замёрз бы где-то или отравился «пафёйкой». А так он словно родился заново, осознал в себе человека, распустил «систему координат»... Кстати, куда читала, очень боялся, что сюжет «схлопнется»

– Рубрика «Толстяки на Урале» продолжает известный фестиваль «Урала» и представляет публикации коллег – литературных журналистов России. «Всего-то» рецензия. Но вдруг в разговоре о диптихе свердловчанина Анатолия Курчаткина «Змея, кусающая свой хвост» наткнулась на собственный сакраментальный вопрос: зачем молодые сегодня стремятся стать писателями? Поделимся наблюдениями? Или сорвать куш – взять приз, понасть в делегацию?
– Честно говоря, была только на первом фестивале «Толстяки на Урале». Дальше слежу за ним ровно настолько, насколько позволяет хорошее место события. А оно хорошее – журнал вкусно позиционирует свой проект. Одноимённая рубрика – тому пример.

В октябре в поле зрения оказались «Октябрь», «Знамя»,

хэппи эндом. Да, сюжет разворачивается трагически, но – нет ощущения чернухи.

Филку жалко. Но ещё больше жалко Олега и его жену Настю. Вот кто, по сути, ма-а-а-ленькие люди. Маленькие мысли, маленькие мечты, даже бизнес маленький. Кольнуло: Настя вроде учительница, но в обстоятельствах её жизни это вообще не имеет никакого значения. Настя видит в мечтах садовую беседку, а Олегу важно, чтобы всё было «по порядку» – дом, двор, сарай, бизнес и... настроение жены. Его система координат незыблела. И место в ней Филка определено раз и навсегда – в сарае, рядом с собакой. И заведённый порядок не нарушит даже то, что именно Филка спасает жизни жены Олега и их новородённого сына.

Для меня самая страшная сцена – даже не финал, а когда дружки Олега подпаивают Филку. Делают они это вполне осознанно! Мол, зная своё место в нашей «системе координат». А Олег? Чем он в этот момент лучше? Кто маргинал? Филка, живущий в доме на положении дворни, оказывается эмоционально богаче и морально выше, чем его хозяева.

– Рубрика «Толстяки на Урале» продолжает известный фестиваль «Урала» и представляет публикации коллег – литературных журналистов России. «Всего-то» рецензия. Но вдруг в разговоре о диптихе свердловчанина Анатолия Курчаткина «Змея, кусающая свой хвост» наткнулась на собственный сакраментальный вопрос: зачем молодые сегодня стремятся стать писателями? Поделимся наблюдениями? Или сорвать куш – взять приз, понасть в делегацию?
– Честно говоря, была только на первом фестивале «Толстяки на Урале». Дальше слежу за ним ровно настолько, насколько позволяет хорошее место события. А оно хорошее – журнал вкусно позиционирует свой проект. Одноимённая рубрика – тому пример.

В октябре в поле зрения оказались «Октябрь», «Знамя»,

«Волга». Я помню те времена, когда эти журналы появлялись у нас в доме из библиотеки, и только так можно было познакомиться с новыми публикациями российских авторов. Мама всю жизнь проработала учительницей-словесником в школе, поэтому журналы зачитывались до дыр.

А сегодня? Положа руку на сердце, разве сам «Урал» является настольной книгой для уральских словесников? А уж тем более журналы других регионов... Поэтому рецензия на публикации коллег – некий навигатор в литературном пространстве. Роман «Рымба» в «Октябре» я бы не стала читать – рецензия не вдохновила. Ощущение, что это литература вчерашнего дня. Зато «Змея...» мне стала любопытна. Появился роман небанально устроен, и это штрихи к сегодняшнему времени.

Во имя чего пишут нынешние молодые? Сказать что-то миру? Но это побуждает к «творчеству» и графоманов, коих сегодня – нереальное количество. Трибуна стала доступна. Благодаря Интернету «свободный микрофон» – для всех. У нас в театре редкий день, когда не приходит очередь пьесы. Но 70 процентов этого потока – графомания чистой воды, со всеми признаками. И графоманы, заметьте, не думают о премиях. Главное – «дайте сказать!».

У нас свой опыт. У меня свой. У автора «Змея...» – другой. Но думаю, в диптихе прозвучали мысли, в которых мы солидарны. Сейчас пишущих больше, чем писателей. Но не каждый сочиняющий стихи – поэт. Отделить одно от другого – задача непростая, профессиональная. Для меня в этом смысле «Урал» – лакмусовая бумажка. Он не печатает бездарей. «Толстяки на Урале» – образно говоря, театр журналов, где крупным планом не авторы, не писатели, а сами журналы как «персонажи» нашей культурной жизни. И можно либо спорить, либо соглашаться – как с персонажами спектакля. Например, рецензируя опубликованную в «Волге» беллетризованную

Вопрос в Год театра

– Не люблю читать пьесы. Но поскольку в драме «Мордовия» главная героиня Марина Цветаева – злызлая. И не пожелала. По тексту хорошо узнаваемы цитаты из писем и дневников Марины Ивановны. Последние годы её жизни: Елабуга, Чистополь. В эти дни и она «примиряла смерть», «искала глазами криво». С трудом, однако, представляю «Мордовию» на сцене. Чтобы у зрителя не возник диссонанс между любимым поэтом и некой актрисой, нужен какой-то режиссёрский ход...
– Две главные мысли после «Мордовии»: хочу почтить ещё что-то у Анжелики Четверговой (о её пьесах слышала, но читать не доводилось), и – стоит «освежить» биографию Цветаевой. Филфак у меня был 30 лет назад, «Мордовия» в рамках положенного курса, но «Мордовия» растревожила. Да, многое эпизодично, но по мере прочтения невольно тянет «доставать здание» узависимых фактов реальной биографии, и это увлекает.

Согласна, вопрос: а как это могло бы быть на сцене? И другой – насколько правомерно вживание подлинных цветавских строк в авторский текст? Наш театр тоже недавно «встретился» с творчеством Цветаевой: мюзикл «Казанова» поставлен по мотивам её пьесы «Приключенческая». У театра тоже возник вопрос: как доставать либретто из пьесы? Как позволительно обращаться с литературными наследиями? Что можно, что нельзя?
С «Мордовией», мне кажется, немного другая история. Вопрос об уместном и корректном использовании цветавских текстов здесь не стоит. Для меня вопрос в другом – возникает или нет образ самой Цветаевой? Я прочла пьесу – для меня всё случилось. Цветаева «оживала». И вкрапления подлинных текстов очень уместны. Это её голос. Более того, между текстом автора пьесы и текстами Марины Ивановны я не увидела «швов».

Правда, остался вопрос: финальная игра слов «morden (нем. – заматывать, уматывать) – мордовать – Мордовия» придумана автором пьесы или взята из записных книжек Цветаевой? Нет, правда, надо перечитать Цветаеву...

биографию дореволюционного писателя Фёдорова, «Урал» пишет: «Когда перевернула последняя страница, читатель, и вовсе не знавший прежде А.М. Фёдорова, уже не забудет его». Не уверена! У меня другое впечатление: автор «реконструкции биографии» очень хотел выгнать из забвения забытое имя, и даже при том, что честно это делал, на первый план в повествовании вышли Бунин и Горький. Более талантливые коллеги, неспроста оставшиеся в истории. Это не значит, что воспоминания о Фёдорове – напрасный труд. Судьба писателя второго ряда не перевернется, но для кого-то его отношения с Буниным и Горьким откроют ещё одну страницу русской литературы. Это же любопытно?

«Русский Букер» может вернуться

Фонд «Русский Букер» получил несколько спонсорских предложений для возобновления закрытой ранее одноимённой литературной премии. Об этом сообщил во вторник ТАСС исполнительный директор фонда Игорь Шайтанов.

Открытие премии «Русский Букер» было объявлено в сентябре 2019 года, однако фонд оставил за собой право возобновить её работу в случае заключения нового соглашения с спонсорской поддержкой. «Сейчас появляются предложения, начали поступать звонки, я все предложения рассматриваю. Если будет реальное предложение, мы возобновим премию. Мы оставляем открытой возможность на такой исход в течение года», – сказал Шайтанов.

Отвечая на вопрос, чем осложнён поиск финансирования, Шайтанов отметил, что не все предложения подходят фонду. К примеру, устроителям предлагали перевод из Москвы в другой город, где премию спонсировал бы регион. Также было предложение перформативать устав и присудовать «Русский Букер» ещё и за электронные книги. «Мы не могли согласиться на эти предложения. Мы не хотели бы менять статус премии, её направление. Нам кажется, в том качестве, в каком «Русский Букер» существует, он и должен сохраняться», – добавил он.

Назван автор текста для Тотального диктанта 2020 года

Организаторы Тотального диктанта рассказали, кто напишет текст для следующего сезона главной всероссийской проверки на грамотность. Автором Тотального диктанта-2020, как сообщает портал «Новости литературы», стал лауреат литературной премии «Национальный бестселлер» 2009 года (за роман «Стенные боги») Андрей Геласинов.

Руководитель проекта Ольга Ребикова объяснила выбор так: «Каждый год мы, решая, кто станет автором текста, думаем о том, что мы хотим познать нашу очень широкую аудиторию с хорошей современной литературой. Причин предложить авторство этому писателю было несколько. Во-первых, он, как и наш проект, из Сибири (писатель родился в 1966 году в Иркутске – Прим. «ОГ»); во-вторых, он переведён на разные языки и востребован не только в России, но и за рубежом. Меня искренне поражает разнообразие тем и жанров в его творчестве, а также то, что он не только пишет сам, но и помогает издавать произведения молодых начинающих писателей».

Автор прочтёт текст на главной площадке акции в столице Тотального диктанта – 2020, которую выберут по результатам конкурса 1 февраля. В следующем году Тотальный диктант состоится 4 апреля, четыре части одного текста будут написаны участниками по всему миру.

Евгений ЯЧМЕНЕВ